

MUSCA

Танцкласс

О сборнике «Вехи»

В Петербурге — заседание Религиозно-философского общества о «Вехах».

У нас — в исторической комиссии учебного отдела — беседа по поводу «Вех».

В женском клубе — реферат г. Штамма «Вехи».

В «Речи», «Слове» и покойной «Нашей газете» — полемика на почве «Вех»¹.

В «Новом времени» дифирамб А. Столыпина «Вехам»: «Беспощадное и суровое зеркало интеллигентской сущности осталось налицо. Оно отшлифовано терпеливыми мастерскими руками людей правдивых и бесстрашных, а в такое зеркало всегда тянет заглянуть, хотя бы тайком и урывком. Бедная интеллигенция — у ней нет способов изъять “вредную” книгу из обращения!»

«Правдивые и бесстрашные» — это Струве, Бердяев, Булгаков, Гершензон, Франк, Кистяковский и Изгоев, сделавший, впрочем, совершенно определенную оговорку: «Я всецело принимаю изложенный там основной тезис, но расхожусь с остальными авторами в его принципиальной мотивировке».

После такого аттестата совершенно очевидно, что все остальное от интеллигенции, за вычетом этих 7, — «лживо и трусливо».

За похвалой следует рекомендация: «Сборник ревизионных материалов под заглавием «Вехи» обязательно прочитать для каждого интересующегося судьбами России».

«Вехи»... «Вех»... «Вехам»... «Вехами»... О, «Вехи»!..

От всей души присоединяюсь:

— Обязательно прочитать!

Я даже настаивал бы на немедленном проведении законопроекта «О принудительном прочтении книги, “Вехами” именуемой».

И лично таскал бы каждого заупрямившегося интеллигента к ответу:

— Почто, раб худый, от исполнения нравственного долга уклоняешься?

Нисколько не шучу.

И отстаиваю свое положение со всей серьезностью.

Нечего *сектантствовать!*

И, заткнувши на манер Фамусова уши, неукоснительно твердить:

— Не слушаю, под суд!

Пришел не какой-нибудь там Скалозуб.

А группа лиц, одаренных критически мыслящим умом.

Глубоким знанием.

И, что самое главное, не фальсифицированной, а подлинной любовью к родине.

Я ни на мгновение не сомневаюсь, что вы с негодованием отвергнете ироническую скорбь о том, что у нашей интеллигенции:

— Нет способов изъять «вредную» книгу из обращения!

Эта улыбка, это остроумие — это:

— Поклеп!

Каков бы символ общественно-политической веры нашей интеллигенции ни был, тоски по «способам изъятия» даже самого неприятного для нее слова — такой тоски в нем никогда не значилось.

Не значитя.

И не будет значиться.

Ибо это противоречит всей ее сущности.

Всему внутреннему содержанию *подлинной* интеллигенции.

Не той, которая драпируется в ее облачение, не имея на то никакого права.

И уважает неприкосновенность речения тогда, когда оно выходит из *ее* уст или из-под *ее* пера.

И только...

Можно сказать так:

— Назови мне, кто тебя одобряет, и я определю тебя, кто ты.

Это — безусловная истина.

Но сделайте над собой героическое усилие.

Отбросьте руководство его.

И не считайтесь с тем, что произведение встречено рукоплесканиями в газете А. С. Суворина².

И, бесспорно, встретит такой же прием в «Русском знамени»³.

В «Почаевских известиях».

И других органах правее здравого смысла.

Не считайтесь!

И примите эту книгу, как если бы вокруг вас никого и ничего не было.

Представьте себе на миг, что вы живете на дне Тихого океана, в том месте его у Курильских островов, где глубина достигает 14 верст.

Что на поверхности прошел русский пароход «Достоевский».

Что некий пассажир нечаянно обронил «Вежи» за борт.

И они опустились к вам.

Такое «самовнушение» произвел над собой ваш покорный слуга.

Каково же оставшееся у него от внимательного прочтения сборника впечатление?

А вот какое.

В нем — очень много *правды*.

Не скажу — жестокой.

По той простой причине, что правда — не ковер, не стекло и не баранка.

И, следовательно, не может быть ни шершавой, ни гладкой, ни с изюмом, ни на горчичном масле.

Земная правда — на Марсе я не был, не знаю — это такое свойство суждения, которое по своей непреложности обязательно для всех.

Человек дышит.

Это — правда.

Если угодно, опровергайте чрез «Осведомительное бюро».

Такой правды, повторяю, в книге очень много.

Объективной.

Но наряду с ней благодаря определенного цвета пенсне, которые издавна вросли в переносицу авторов — за исключением лично мне дорогого А. С. Изгоева, — выставлена другая, уже *субъективная*.

И — ровно с таким же апломбом ее непогрешимости, осуждение которого, но у своих противников, они поставили своей задачей.

То же *сектантство*, но... от другой «печки».

Одни напевают:

— А мы просо сеяли, сеяли... Сначала — бытие. А потом — сознание.

Другие отвечают:

— А мы просо вытопчем, вытопчем... Сначала — сознание. А потом бытие!

Милостивые государи старшего возраста обоих станов!

Пощадите!

Пожертвуйте свои «Задушевные слова» наряду с другим, что совсем не нужно.

Выбросьте в корзину оба «сначала» и оба «потом».

И, став посреди столь огромного и светлого зала, как мир Божий, без кавычек, оставьте протертую, как старая калоша, пляску:

— От печки!

Душно в вашем танцклассе!..

(Раннее утро. М., 1909. № 94: суббота, 25 апреля (8 мая). С. 2)

